

Французская новелла эпохи Возрождения Новые забавы и веселые разговоры

Предисловие. Французская новелла эпохи Возрождения

Возрождение было, как известно, не только временем возврата к античному наследию, эпохой величайшего культурного переворота, расцвета искусств, наук и ремесел, духовного раскрепощения личности и бурного открывания новых земель. Эта эпоха знала, кончив, и свои теньевые, мрачные стороны проявления бесчеловечности, трагические коллизии, непримиримые противоречия. Она знала предательство и вероломство, жестокость и нетерпимость, бесправие и своевластие. Но Ф. Энгельс, характеризуя Возрождение, недаром писал о «жизнерадостном свободомыслии» романских народов: веселость, шутка были неотъемлемой чертой этой эпохи, наполняя собой целые литературные жанры и формы, становясь подчас их если и не определяющей, то характерной приметой. Такой во многом стала ренессансная новелла, наследница незамысловатых городских повестушек Средневековья, озорных и забавных.

В повествовательной прозе Возрождения новелле, различным ее разновидностям и формам, бесспорно, принадлежит первое место. Это особенно очевидно для французской литературы, где причудливое и неповторимое творение Рабле возвышается одиноким гигантом, где прозаический роман не получил развития (ведь пять книг «Гаргантюа и Пантагрюэля» вряд ли «роман» или цикл «романов»), а вся остальная проза, кроме новеллистической, – это либо мемуары, либо сочинения философские или политические. Была, конечно, массовая литературная продукция – прозаические переработки средневековых эпических поэм и романов – об Ожье-Датчанине, Гильоме Оранжевом, о Тристане и Изольде, о рыцаре Ланселоте, о волшебнике Мерлине, загадочной женщине-змеи Мелюзине, о Пьере и Магеллоне и т. д., – но все это было настолько ремесленно и серо, что могло адресоваться лишь самому непритязательному, так сказать, рядовому читателю. Люди образованные (или желавшие казаться такими) предпочитали знакомиться с новооткрытыми и впервые изданными произведениями античности или с книгами итальянских писателей-гуманистов – от Данте, Петрарки, Боккаччо до авторов XVI столетия.

Итальянское влияние – в частности в области новеллы, чему положил начало «Декамерон» Боккаччо, – было в ренессансной Франции очень сильным. Но ориентировались, как правило, на самые значительные образцы. Так, из итальянских новеллистов хорошо знали, кроме все того же Боккаччо, Мазуччо, Поджо Браччолини, позже Банделло; им в основном и подражали. Но широкое и многообразное использование итальянского опыта постоянно сочеталось с воздействием собственных литературных традиций, которые во Франции были особенно богаты и разнородны. Что-то из этого наследия писатели Возрождения решительно отбрасывали, что-то, напротив, широко и плодотворно использовали.

Особенно богата и многообразна была доставшаяся от Средневековья повествовательная традиция, памятниками которой были не только полные прельстительных баснословий рыцарские романы, но и отмеченные определенным бытовизмом фавлю, небольшие стихотворные рассказы, описывающие достаточно заурядные события из жизни горожан, вилланов и иных, в основном рядовых представителей средних же слоев средневекового общества.

Эти стихотворные рассказы не удивляли неожиданной рифмой, не восхищали смелой метафорой, не привлекали безудержной фантазией, причудливой запутанностью сюжета. Они брали другим – увлекательностью и живостью повествования, обилием бытовых подробностей, скупой, но емко очерченными характерами персонажей, непредвиденной развязкой, часто сводившейся к остроумному ответу или открытому столкновению кажущегося и сущего, производящему острый комический эффект.

Предтеча новеллы, веселый рассказ в стихах с нарочито бытовой тематикой и подчас довольно острой сатирической начинкой, возник и развился рядом с рыцарским романом и куртуазной повестью. Поэтому фавлю и куртуазные повествования соприкасались. Но чаще – резко противостояли друг другу. Родились они в разных общественных кругах, которые, естественно, тоже резко противостояли и тоже постоянно соприкасались.

В романе и в куртуазной повести исключительность героев бывала обычно подана на некоем нейтральном фоне повседневной жизни. На этом тусклом, неинтересном фоне приключения геро-